

*Рюмина Алина Дмитриевна,
студент 3 курса факультета права и управления
Владимирского юридического института ФСИИ России
Россия, г. Владимир*

*Научный руководитель: Шаназарова Елена Витальевна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин
юридического факультета
Владимирского юридического института ФСИИ России
Россия, г. Владимир*

ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЦИФРОВЫХ ТЕХНОЛОГИЙ В ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

***Аннотация:** В настоящее время наблюдается стремительное развитие цифровых технологий, охватывающее все сферы жизни, включая гражданский оборот. Влияние цифровых технологий определяет потребность развития современного гражданско-правового регулирования с использованием цифровых объектов, цифровых технологических платформ, новых видов цифровых услуг, субъектов имущественного гражданского оборота.*

***Ключевые слова:** гражданский оборот, имущественные отношения, гражданское законодательство, цифровые технологии.*

FEATURES OF THE USE OF DIGITAL TECHNOLOGIES IN CIVIL LAW

***Abstract:** Currently, there is a rapid development of digital technologies, which covers all areas of life, including civil circulation. The influence of digital technologies determines the need for the development of modern civil law regulation using digital objects, digital technological platforms, new types of digital services, and subjects of civil circulation.*

***Keywords:** civil circulation, property relations, civil legislation, digital technologies.*

На фоне стратегического развития цифровой экономики в мире и в России, а также повсеместной цифровизации, наблюдается рост научного интереса к общетеоретическим и практическим исследованиям. Это касается, в частности, правового регулирования оборота результатов цифровых технологий и цифровых прав. Современное развитие гражданского права во многом определяется его способностью интегрировать цифровые технологии в сферу имущественных отношений, что подразумевает признание эффективности гражданско-правовых моделей для регулирования цифровых прав и оборота цифровых технологий.

Автоматизированные системы, основанные на искусственном интеллекте, всё чаще принимают решения, которые раньше принимал человек, от заключения сделок до управления финансами. Согласно статистике, большинство российских компаний уже используют ИИ, а доля автоматизированных сделок растёт.

Однако существующее гражданское законодательство, разработанное в эпоху, когда технологии были другими, не успевает за этими изменениями. Традиционные принципы, такие как свобода договора и ответственность за вину, не всегда применимы к сложным алгоритмам. В результате, когда автоматизированная система причиняет ущерб (например, отказывает в кредите или блокирует счет), пострадавший оказывается в ситуации, когда некому предъявить претензию. Ответственность размывается между

оператором, разработчиком и, в конечном итоге, отсутствует.

Эта проблема особенно актуальна в условиях растущего цифрового неравенства и уязвимости потребителей. Граждане часто не понимают, как принимаются решения алгоритмами, и не имеют возможности их оспорить. В то время как международное сообщество уже разрабатывает и внедряет механизмы регулирования ответственности за ИИ, Россия рискует отстать в формировании цифрового правопорядка. Это может подорвать доверие к цифровой экономике и нарушить баланс интересов участников рынка.

Поэтому исследование вопроса о распределении ответственности за действия автоматизированных систем является крайне важным. Оно не только имеет теоретическое значение, но и необходимо для практического решения проблем, возникающих в условиях цифровой трансформации. Это исследование поможет усовершенствовать гражданское законодательство и обеспечить эффективную защиту прав и законных интересов граждан и организаций в цифровом мире.

Гражданское право исторически строилось как право свободной воли, разумного выбора и личной ответственности. С момента зарождения римского частного права и до кодификаций XIX–XX веков основой гражданско-правовых отношений оставался человек как субъект права, способный осознанно вступать в сделки, нести обязательства и отвечать за последствия своих действий. Однако цифровая трансформация экономики и общества ставит под сомнение саму антропоцентричную парадигму гражданского права. Сегодня всё чаще решения в гражданском обороте принимаются не людьми, а автоматизированными системами: алгоритмы одобряют кредиты, боты заключают сделки на маркетплейсах, смарт-контракты исполняют обязательства без участия сторон. В этих условиях возникает фундаментальный юридический парадокс: если в цепи правоотношений исчезает человек, кто несёт ответственность за ошибку, ущерб или злоупотребление?

На первый взгляд, законодательство предлагает простой ответ: ответственность несёт тот, кто внедрил или использует систему. Действительно, в Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2022 № 25 прямо указано, что «в случае причинения вреда в результате функционирования автоматизированной системы ответственность несёт лицо, осуществляющее контроль над такой системой». Однако на практике эта формула сталкивается с рядом трудностей. Во-первых, контроль может быть распределён: разработчик создаёт алгоритм, поставщик интегрирует его в платформу, оператор управляет настройками, а владелец бизнеса извлекает прибыль. Кто из них «осуществляет контроль»? Во-вторых, в случае с децентрализованными системами (например, DeFi-протоколами на блокчейне) вообще отсутствует централизованный оператор, что делает применение традиционных конструкций невозможным. В-третьих, современные ИИ-системы обладают свойством самообучения, и их поведение может отклоняться от изначального замысла разработчика — в такой ситуации установить вину становится практически невозможно [1].

Между тем, последствия ошибок автоматизированных решений могут быть катастрофическими. В 2020 году алгоритм кредитного скоринга одного из российских банков массово отказал в выдаче займов социально уязвимым категориям граждан, что привело к судебным искам и вмешательству ЦБ РФ. В 2022 году торговый бот на криптобирже из-за сбоя в оракуле данных продал активы по цене в 1 рубль, причинив убытки на сумму свыше 10 млн рублей. В обоих случаях потерпевшие столкнулись с правовым вакуумом: ни одна из сторон не признавала свою ответственность, ссылаясь на «технический сбой» или «непредсказуемость ИИ».

Эта ситуация свидетельствует о том, что традиционная виновностная модель ответственности (ст. 1064 ГК РФ) исчерпала себя в условиях цифровой экономики. Вина предполагает осознанное отношение к последствиям, но алгоритм не может быть «виновен» — он лишь исполняет

заложенные инструкции. Более того, даже человек, запустивший систему, может не осознавать всех возможных рисков, особенно в случае сложных нейросетей. В этой связи всё большее признание получает риск-ориентированный подход, при котором ответственность привязывается не к вине, а к возможности контролировать риск и извлекать выгоду

Такой подход уже реализован в международной практике. Регламент ЕС об искусственном интеллекте (AI Act, 2024) вводит градацию систем по уровню риска и возлагает на разработчиков и операторов обязанности по обеспечению безопасности, прозрачности и объяснимости. В Германии Закон об автономных транспортных средствах (2021) устанавливает, что владельцем риска является владелец транспортного средства, а не водитель или производитель. Эти модели показывают: ответственность должна нести сторона, которая имеет наибольшую возможность предотвратить вред и получает экономическую выгоду от использования технологии [2].

Для российского гражданского права это означает необходимость законодательного закрепления нового основания ответственности. Представляется целесообразным дополнить ГК РФ нормой, признающей автономные ИИ-системы в высокорисковых сферах (финансы, здравоохранение, транспорт, ЖКХ) источниками повышенной опасности по аналогии со ст. 1079 ГК РФ. Это позволило бы применять объективную ответственность — без доказывания вины, но с возможностью регресса к разработчику при доказанной ошибке в алгоритме.

Кроме того, необходимо:

1. Ввести обязательное страхование гражданской ответственности за вред, причинённый автоматизированными решениями;
2. Закрепить в законе право субъекта на объяснение автоматизированного решения (right to explanation), как это сделано в ст. 22 GDPR;

3. Развить институт коллективной ответственности в цепочках цифровых услуг.

Исчезновение «человеческого фактора» — не повод отказываться от защиты прав. Напротив, оно требует усиления гарантий для тех, кто оказывается в позиции уязвимости перед лицом безликих алгоритмов. Гражданское право должно эволюционировать от модели «виновного человека» к модели «ответственного оператора». Ведь за каждой строкой кода, за каждым нейроном сети стоит реальный человек — разработчик, инвестор, руководитель. И именно он, а не абстрактный «искусственный интеллект», должен отвечать перед законом и обществом [3].

Будущее гражданского права — не в борьбе с технологиями, а в создании цифровой ответственности, в которой никто не остаётся без ответчика, а каждый ущерб — без компенсации.

Список литературы:

1. Зайцев А.А. Ответственность за вред, причинённый искусственным интеллектом // Журнал российского права. — 2023. — № 8. — С. 45–59.
2. Моисеев С.И. Цифровые технологии и гражданско-правовая ответственность // Хозяйство и право. — 2024. — № 2. — С. 12–24.
3. Доклад Центрального банка РФ «Искусственный интеллект в финансовом секторе: риски и регулирование» // М.: Банк России, 2023. — 64 с.